

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

А. А. ХОЛОДОВИЧ

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ПРИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. За винительным падежом прочно укрепилась его приглагольная характеристика. Напомним, что писал по этому поводу Пешковский: «Глаголы, управляющие винительным падежом, теснее связаны со своим падежом, чем все другие глаголы, потому что этот падеж возможен только при глаголе и глагольном слове, а все другие падежи возможны и при глаголе и при имени. В то время как все другие падежи при замене глагола отглагольным существительным или прилагательным остаются без изменения, винительный падеж переходит при этом обязательно в родительный или в сочетание к + дательный, почему и получается, что при существительном и прилагательном винительный абсолютно невозможен».¹

Таким образом, выходит, что 1) винительный — это приглагольный падеж, 2) есть падежи приглагольные и есть падежи приименные (т. е. при имени существительном и имени прилагательном).

Это говорилось о русском языке. Однако следует напомнить, что так думал не один Пешковский и не только о русском языке.

2. Эта схема укоренилась прочно и во взглядах на японский язык как у японских лингвистов, так и у европейцев-японоведов. Принято думать, что в японском языке есть приглагольные и приименные падежи и что винительному падежу присвоено быть только при глаголе. Приведем соответствующие факты. Вот что говорит, например, Ямада: «*о* является выражением объекта, испытывающего на себе действие, указанное в глаголе; в зависимости от характера действия, выраженного глаголом, можно рассматривать его, дифференцируя по группам».² Далее следует классификация на: 1) винительный объекта, 2) винительный места, 3) винительный объекта при побудительном залоге. О случаях неглагольной функции винительного падежа ни слова. То же повторяется и в прочих работах. Так, в грамматике Плетнера читаем: «Винительный падеж выражается суффиксом *о*. Это падеж объекта (прямого дополнения), по значению он совпадает с аналогичным падежом в русском языке».³ Там же читаем: «как и в русском языке *о* управляется глаголами (так называемыми переходными или транзитивными)».⁴ В одной из последних

¹ Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е изд., 1928, стр. 335.

² Ямада. Нихон когохо коги. Токио, 1928, стр. 146—147.

³ Плетнер. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 16.

работ по японскому синтаксису, в главе о дополнениях при существительных, говорится, что в ряде случаев винительный падеж может, по ж а л у й, считаться присубстантивным падежом. Однако это половинчатое «утверждение» сводится на-нет заключительным положением, что «винительный здесь зависит не непосредственно от существительных, входящих в такие словосочетания, но от опущенного глагола „суру“, соединенного с этим существительным в готовое выражение и управляющего винительным падежом».

Все это, конечно, не дает представления о сущности винительного падежа в японском языке и объясняется некритическим перенесением закономерностей одной языковой системы в другую. Система японского глагола и имени существительного в их взаимоотношениях обладает целым рядом таких особенностей, которые исключают возможность сопоставления ее с европейскими языками, без учета данных о стадийной характеристике сопоставляемых языков. Иной подход может привести к серьезным ошибкам, неправильным взглядам, неисторическому освещению исследуемых фактов. Ложные сопоставления привели к ошибочному истолкованию винительного падежа в японском языке только как падежа приглагольного.

3. В японском языке имя существительное при известных условиях может управлять винительным падежом. В этой статье я пытаюсь описать один такой случай, абсолютно выпавший из поля зрения лингвистов-японоведов. В японском языке одна из категорий сложно-составных имен существительных представляет собой комплекс из двух вещественных частей, т. е. основ; первая часть этого комплекса является глагольной основой, а вторая предметной, именной. Каждая часть этого комплекса в отдельности самостоятельно большей частью функционирует как имя существительное (причем первая часть есть подлинное имя существительное и фактически и генетически, а не отглагольное имя, как это напрасно и безо всякого успеха утверждают учебники японского языка да и сами лингвисты-японисты). Примером могут служить такие сложные существительные, как *цукуруи-бана* 'искусственные цветы': *цукуруи* от одного корня с глаголом *цукуру* 'делать' + *хана* 'цветы'; *карэкуса* 'сено': *карэ* от одного корня с глаголом *карэру* 'сохнуть' + *куса* 'трава' и т. п.

Оказывается, что имена существительные подобной структуры могут управлять винительным падежом другого имени существительного.

Ватаси-ва камэ-но *арика-о тадзунэгао* - ни вадзавадза тансу-но хо-э иттэ митари, нагахибати-но ваки-о маваттари симасита.¹ С д е л а в в и д, что и щ у м е с т о, где находится черепаха, я то шел нарочно к комоду, то шарил вокруг жаровни'.

Этот пример наглядно иллюстрирует своеобразную природу сложных японских имен существительных подобного рода. Наибольший интерес в этом предложении имеет словосочетание *арика-о тадзунэгао*: в этом словосочетании зависимый управляемый член (*арика-*) оформлен показателем винительного падежа *о*. Главным управляющим членом, от которого зависит винительный падеж, является и м я с у щ е с т в и т е л ь н о е *тадзунэгао*, комплекс из *тадзунэ* (от одного корня с глаголом *тадзунэру* 'искать') и *као* «лицо», т. е. в целом «лицо, взгляд, ищущий что-то». По «норме» при таком имени существительном полагался бы родительный падеж. На деле же винительный. Дословный перевод словосочетания: «взгляд (занятый) поисками местонахождение (вместо местонахождения)».

¹ Симадзаки Тосон. Оитати-но ки. Симадзаки Тосон сю, стр. 10.

4. Обратимся к другому комплексу, состоящему из двух вещественных частей, т. е. основ, и являющемуся сложно-составным существительным иного типа, нежели приведенное выше. Первая часть этого комплекса — имя существительное так наз. китайского типа (т. е. состоящее из лексических элементов, заимствованных из китайского языка) с вещественным содержанием некоторой деятельности. Вторая часть — предметная, именная основа. Каждая часть этого комплекса в отдельности самостоятельно функционирует как имя существительное. Примером может служить такое сложно-составное существительное, как *кэмбуцугао* 'лицо, взгляд, любующийся (чем-либо)' — *кэмбуцу* 'осмотр' + *као* 'лицо'.

Оказывается, что имена существительные подобной структуры могут управлять винительным падежом другого имени существительного.

Мина-но югисуру *токоро-о кэмбуцугао-на*, мада дзэгакусэй то моо итай игирисудзин-но кэдайдзурэ-но кяку мо ару¹ 'тут же находятся и пассажирки, — сестры англичанки, повидимому еще студентки, наблюдающие за тем, как все веселятся'.

Наибольший интерес в этом предложении имеет словосочетание «*токоро-о кэмбуцугао*»; в этом словосочетании зависимый, управляемый член (*токоро*) оформлен показателем винительного падежа *о*. Главным управляющим членом, от которого зависит винительный падеж, является и м я с у щ е с т в и т е л ь н о е *кэмбуцугао*, структура которого рассмотрена выше. По «норме» при таком имени существительном полагался бы родительный падеж, на деле же винительный. Дословный перевод словосочетания: «выражение лица (занятого) наблюдением т о м е с т о (вместо того места)».

5. Само собой разумеется, что не всякое имя существительное имеет способность управлять винительным падежом. В японском языке в н а с т о я щ е е в р е м я это, повидимому, только те существительные, содержанием основы которых является понятие деятельности.

Таким образом, наш вывод сводится к следующему: винительный падеж слова является формой отношения данного слова к другому, выражающему понятие деятельности безотносительно к тому, в какой форме эта деятельность выражена, — в форме глагола или в форме имени существительного. Монополия глагола на управление винительным падежом является историческим достоянием глагола и с ним, как таковым, не связана.

6. Отсюда вывод — необходимо кардинально пересмотреть по отношению к японскому языку вопрос о приглагольных и приименных падежах. Границы между глаголом и именем в японском языке никоим образом не повторяют то, что мы наблюдаем в языках индо-европейской системы.

Р о д и т е л ь н ы й падеж при глаголе — первое тому доказательство.

Винительный падеж при существительном — второе доказательство этому.

Формально это родительный падеж при глаголе, но, ведь, до сих пор не решен вопрос о том, что это за «глагол» в японском языке.

Формально это винительный падеж при имени, но, ведь, до сих пор не решен вопрос о том, что это за «имя» в японском языке.

Не пора ли вспомнить лингвистам-японоведам, что еще великий русский лингвист Потетьня писал:

«Понимая язык как деятельность, невозможно смотреть на грамматические категории, какovy глагол, существительное, прилагательное, наре-

¹ Там же, стр. 160.

чие, как на нечто неизменное, раз навсегда выведенное из всегдашних свойств человеческой мысли. . . Кто определил бы предложение, напр., русского языка как словесное выражение психологического суждения, сказал бы так же мало, как тот, который бы определил Сократа как особь зоологического вида *homo sapiens*. Конечно, малосодержательные определения легче. Интерес истории — именно в том, что она не есть лишь бесконечная тавтология. Так, и из основного взгляда на язык как на изменчивый орган мысли следует, что история языка, взятого на значительном протяжении времени, должна давать ряд определений предложения».¹

¹ Потебня. Из записок по русской грамматике, I, 1888, стр. 76—77.